

Бай Тяньмэй и её муж развелись днём, и она не получила ни копейки. Мужчина прогорел в бизнесе, залез в долги, чтобы закрыть дыры, но к счастью, она не унаследовала его долгов. Она навещала Хэ Линнаня однажды и принесла много снежных лепёшек и молочных конфет. Увидев снежные лепёшки, Хэ Линнань почувствовал сложные эмоции: это было любимое лакомство Хэ Сяомань в детстве, но, по словам Кэлэ, она сейчас сидит на диете и строго контролирует питание, так что неизвестно, ест ли она это до сих пор. Снежные лепёшки он отдал Кэлэ, так как в последние дни тот постоянно проводил время с Сяомань, и он мог передать их ей. Разложив молочные конфеты на столе, он начал перебирать их, и в груди появилась мягкость, не из-за того, что Бай Тяньмэй купила ему эти конфеты. Когда Хэ Жуньяо привёл Сяомань домой, Бай Тяньмэй ещё не развелась с ним. Даже в самые острые моменты ссор она никогда не использовала Сяомань как козырь, хотя это был бы идеальный способ ударить по нему: её муж принёс домой больного ребёнка неизвестного происхождения и настаивал на том, чтобы его воспитать. Хэ Линнань вздохнул, перевёл взгляд на белого кролика-игрушку и ткнул пальцем в его розовый нос. Под столом Хуахуа мяукнула, встала на задние лапы, пытаясь заглянуть на стол.

— Не для тебя, — бросил он взгляд на кошку, вытащил телефон, чтобы посмотреть время.

Без двадцати девять. Цинь Мянью сегодня ужинал с людьми из TAS, так что, вероятно, задержится. Хэ Линнань схватил игрушку, вышел из дома, поймал такси и направился прямо на кладбище. Ему повезло: рядом с могилой Цицигэ оказалось свободное место, хотя он не знал, будет ли она против, если Хэ Жуньяо начнёт болтать. У могилы Цицигэ было полно игрушек, и кролик, который он принёс, просто не поместился. Все игрушки, которые он приносил раньше, выглядели как новые, одна красивее другой, и он не мог выбросить ни одну. В конце концов, он воткнул кролика перед могилой Хэ Жуньяо. Всё-таки он не чужой. Хэ Линнань сел между двумя могилами, посмотрел налево на Цицигэ, направо на Хэ Жуньяо, три раза зевнул, убил двух комаров и почесал укусы на щиколотке.

— Папа, я решил, — сказал он, затем включил телефон и набрал номер своего наставника.

Сегодня был последний день, чтобы дать ответ, и он должен был сообщить своё решение: едет ли он на проект в Радужный город, который предложили три месяца назад.

— Алло.

— Отправь мне паспорт.

Хэ Линнань удивился:

— Ты знаешь, что я еду?

— Не знаю, — ответил наставник. — Я просто знаю, что ни один фотограф не упустит шанс снять северное сияние в Радужном городе. Мы встречаемся в Водном городе послезавтра.

— Послезавтра? Так срочно, я даже не разобрался с визой...

— Новые правила Радужных островов: граждане Китая могут въезжать без визы, и транзитные страны тоже не требуют визы.

Проект в Радужном городе продлится шесть месяцев. Хэ Линнань повесил трубку, размышляя, как сказать об этом Цинь Мянью. Не успев придумать ничего конкретного, он уже оказался у двери дома. Разблокировал замок с помощью отпечатка пальцев, поднял голову и вздрогнул: Цинь Мянью был дома.

— Ты... так рано вернулся?

Цинь Мянью прищурился:

— Мне не стоило возвращаться так рано?

Уловив лёгкую нотку раздражения в голосе Цинь Мянью, Хэ Линнань предположил, что это из-за его частых звонков наставнику в последнее время. Теперь задача стала ещё сложнее, но, так или иначе, он должен был сказать. Хэ Линнань набрался смелости:

— Наставник предложил мне снимать документальный фильм!

Цинь Мянью молчал целых пять секунд, затем спросил:

— Все эти дни ты говорил с наставником о фильме?

— Да.

После его ответа Цинь Мянью, казалось, немного расслабился, что показалось Хэ Линнаню странным. Затем он услышал вопрос:

— Надолго?

Шесть месяцев — это полгода, но чтобы звучало меньше, он ответил:

— Примерно на пять месяцев.

Ну, можно округлить.

— Далеко?

— Довольно... далеко.

— Не в Антарктиду?

Хэ Линнань поднял обе руки в знак отрицания:

— Нет, не так далеко.

— Куда?

Хэ Линнань напряг челюсть, слегка прикусил нижнюю губу:

— В Радужный город.

Улыбка исчезла с лица Цинь Мяня, он пристально посмотрел на него:

— На Северный полюс.

— Ну... да.

— Когда уезжаешь?

— Послезавтра.

Сказав это, он почувствовал сильное беспокойство, хотел добавить что-то, чтобы сгладить атмосферу, но увидел, как Цинь Мянь повернулся, зашёл в спальню и начал рыться в шкафу. Однако они находились в Пограничном городе, где не было зимы, и в шкафу лежала только летняя одежда, за исключением белого шарфа Хэ Линнаня, который одиноко висел на самом видном месте.

— Завтра откроются магазины, пойдём покупать одежду, — сказал Цинь Мянь.

Хэ Линнань хотел сказать «не надо», но это действительно было необходимо, так что он ответил:

— Хорошо.

Одежду выбирал Цинь Мянь, и чемоданы тоже собирал он. Раньше Хэ Линнань ездил в Вайгу каждый год после того, как сходил снег, а в Учэне он обычно лежал в больничной палате с отоплением, так что никогда по-настоящему не сталкивался с суровыми морозами. Поэтому он

не возражал против того, какую тёплую одежду выбирал Цинь Мянью, ведь у него был опыт. Даже если один пуховик был таким толстым, что делал его похожим на неуклюжего медведя. Лекарства, которые он принимал, Цинь Мянью нарезал аккуратными маленькими кусочками, упаковал по дозам и аккуратно разложил в чемодане. Цинь Мянью не злился на него за то, что он не сообщил заранее о поездке на Северный полюс, и Хэ Линнанью вздохнул с облегчением. Но накануне отъезда это чувство сменилось другим: Цинь Мянью вёл себя слишком спокойно, будто его отъезд на полгода вообще не был проблемой. Это выглядело так, будто он совсем не беспокоился о нём!

В аэропорту, в полночь, багаж уже сдали, остался только рюкзак. Хэ Линнанью выхватил его из рук Цинь Мянью:

— Ладно, я иду на досмотр, ты иди спать.

Сказав это, он развернулся и пошёл, шагая широко. Пройдя несколько шагов, он вдруг вспомнил, как юный Цинь Мянью провожал его в аэропорту Вайгу, когда он возвращался домой. Сердце смягчилось, и он остановился, обернулся. Ну и где он? Цинь Мянью исчез с молниеносной скоростью, послушно отправившись домой спать! Неужели он так устал?

В аэропорту раздался звук объявления. Цинь Мянью плеснул себе в лицо последнюю порцию воды, почувствовал, как кран перестал течь. Последние капли упали в раковину. Он поднял глаза к зеркалу, задержался на мгновение, затем потянулся к коробке с бумажными полотенцами, вытащил одно и вытер руки. Сердце билось часто. Чувство тревоги заставило его вытащить ещё одно полотенце и снова вытереть руки... пока кожа не начала болеть от трения.

<http://tl.rulate.ru/book/5531/191030>